

УДК 821.512

**ПО СЛЕДАМ ВРЕМЕНИ
(К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
ШАМИЛЯ АЛЯДИНА)**

Юнусов Ш. Э.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: schew.yunusoff2010@yandex.ua*

В статье рассматривается вопрос о художественной детализации через опыт создания исторической прозы в крымскотатарской литературе. На основе конкретных примеров исследуется проблема соответствия изображаемых событий историческим реалиям.

Ключевые слова: историческая проза, реалистичность, ретардация, творческий поиск.

Актуальность. Шамиль Алядин (1912 - 1996) – одна из знаковых фигур в общественно-политической и культурной жизни крымскотатарского народа XX века. Он олицетворял собой то звено, в котором сочеталось обострённое восприятие жизни, способное на осмысление прошлого и постижение настоящего, и талант, шедший в авангарде литературно-художественных исканий. Время творческого поиска писателя пришлось на период негласной идеологической борьбы с проявлениями «национализма» (в советском понимании), где тема связи крымскотатарского народа с Крымом не вписывалась в рамки официальной идеологии государства... Для создания произведений, в которых Шамиль Алядин вознамерился реалистически воспроизвести исторические события в этнонациональном контексте, потребовали особого художественного подхода. К сожалению, в крымскотатарском литературоведении этот аспект представлен спорадично, что и говорит о его актуальности.

Постановка проблемы. Литературно-художественное наследие Шамиля Алядина нуждается в целостном исследовании. В силу объёмности и тематической разнородности его произведений эта проблема представляется весьма сложной, но перспективной. Нас же в творчестве Шамиля Алядина привлекают исторические полотна писателя. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть опыт создания исторически правдоподобных произведений в крымскотатарской литературе.

Объектом исследования является историческая проза крымскотатарского классика Шамиля Алядина, созданная в последней четверти прошлого столетия. **Предмет исследования** - использование приёма ретардации для художественной детализации изображаемого.

Преследуемая цель – рассмотреть вопрос о соотношении исторической правды и вымысла, а также выявить способы авторской интерпретации событий прошлого. В контексте этого предстоит решить следующие **задачи:** показать важность

опыта писателя в создании больших исторических полотен; рассмотреть проблемы художественной формы в разрезе сюжетно-фабульного соответствия.

Исследование проводится на основе типологического и герменевтического **методов**.

Основной материал. Шамиль Алядин, творческая зрелость которого пришлась на вторую половину XX века, осознавая ответственность творческой интеллигенции перед своим народом в условиях складывающейся социально-политической ситуации, был серьёзно озабочен мыслями о сохранении национальной самоидентификации. Возрожденческие думы были вызваны обеспокоенностью за сохранение и развитие родного языка, культуры, литературы, искусства. Процесс, направленный на пересмотр национально-этнического самосознания, деформированного вследствие исторической драмы крымскотатарского народа, должен был способствовать пробуждению интереса к истокам. Поэтому, понимая, что народ, лишённый духовного родства с предшествующими поколениями, может лишиться и исторической национальной памяти и, соответственно, опоры, прозаики ощущали потребность в иных приёмах и методах художественного осмысления исторической действительности. Так, произведения, где без оглядки на идеологическую заданность воссоздавался национально-этнический мир с учётом национального характера, специфического этнонационального опыта, их исторической обусловленности, стал создавать Шамиль Алядин. Так, если ещё в 1979 году в повести «Иблиснинь зияфетине давет» («Приглашение к дьяволу на пир») он сумел связать индивидуальную неповторимость личности с этнической психологией своего народа, то в историческом романе «Тугай-бей» писатель задался целью воскресить страницы героического прошлого и исторических личностей, оставивших глубокий след в истории крымскотатарского народа.

Создавая образ Усеина Шамиля Тохтаргазы – прототипа реального исторического лица, крымскотатарского поэта-демократа конца XIX – начала XX века, автор повести «Приглашение к дьяволу на пир» занят поиском ответа на вопрос о роли лидера в историческую эпоху. Как известно, пилотный вариант отмеченной повести Шамиля Алядина был опубликован в литературном альманахе «Йылдыз» («Звезда») в 1978-1979 годах. Произведение сразу вызвало живой интерес среди читателей как «первое» полотно, задавшееся целью «представить крымскотатарскую тематику через показ определённой страницы из нашего социального прошлого, из хода общественной мысли» [1, 95]. Примечательно, что старейший крымскотатарский учёный-языковед Усеин Куркчи, поделившийся своими замечаниями и пожеланиями, рекомендовал автору «Приглашения к дьяволу на пир» придать динамизма главному герою повести посредством его близости к народу, поскольку Усеин Тохтаргазы был человек передовых взглядов, что не могло не требовать от него активного включения в дебаты по вопросам социально-политического устройства общества. И эти события должны были раскрываться непременно на фоне Бахчисарайских реалий. Отдельные замечания Усеина Куркчи касались поведения и внешнего облика главного героя повести. Он, в частности, рекомендует обратить пристальное внимание на эпизод, где главный герой, идя по улице города, ест калач, чего, согласно местному этикету, Тохтаргазы-учитель допустить не мог. При издании повести в

отдельном сборнике Шамиль Алядин учтёт эти пожелания, и отмеченный момент получит следующее описание:

«...Учитель долго шарил в кармане, но никак не мог отыскать мелкую монету.

Из-за одного пирога не хотелось менять крупную купюру.

- А калач есть? – спросил он; уйти, ничего не купив, ему было как-то неловко.

- Есть! Штука – всего четыре полушки.

Две копейки у него нашлись, и он выложил их перед мальчиком. Получив обёрнутый в бумагу горячий калач, сунул его в карман. Выйдя из пекарни, едва удержался, чтобы тут же не вынуть из кармана пахучий, присыпанный маком калач и не откусить, но ему казалось, что все встречные смотрят на него, скажут, чего доброго: взрослый человек, а ест на ходу, как ребёнок...» (в переводе Эмиля Амида) [1, 276]. Как явствует, писатель стремится быть осторожным в вопросах соответствия литературного и реального характера, тем самым высвечивая внешние категории национально-этнического составляющего.

Надо полагать, что опыт создания исторической прозы пригодился писателю и при дальнейшей работе в этом направлении – в романе «Тугай-бей» Шамиль Алядин остался верным принципам реалистичного повествования, поскольку здесь объёмно представлены как внутренние противоречия Крымского ханства, так и объективные крымскотатарско-казацкие военно-политические отношения в середине XVII столетия. Склонность к реалистичному воспроизведению событий изображаемой эпохи у Шамиля Алядина-писателя становится более явным при сопоставлении с романом польского классика Генрика Сенкевича «Огнём и мечом», у которого жёсткая риторика в отношении врагов Речи Посполитой была обусловлена неистовым желанием «любой ценой поддерживать исторический оптимизм». Критика в этом романе обнаружилась «немало искажений» и «странных противоречий» [2, 103; 3, 4]. Авторская же трактовка событий в «Тугай-бее» направлена на то, чтобы «запечатлеть именно в художественном произведении и тяжёлые, и радостные мгновения украинской и крымскотатарской истории. А главное - разбить все те идеологические стереотипы, которые навязывались советскими учебниками истории и прежней литературой. Это было крайне важно и тогда, когда его народ возвращался на родные просторы и в новое государство, это не теряет особую актуальность и сейчас» [4].

Роман Шамиля Алядина, как известно, остался незавершённым. Однако в нём писателю удалось пояснить своё видение причин внутреннего противоречия в Крымском ханстве: они кроются в нежелании крымских мурз подчиняться единому центру - хану. Как следствие, обоюдно согласованные военно-тактические планы Ислям-Герая и Богдана Хмельницкого порою оказываются на грани провала. Основную мысль романа писатель развил в публицистическом очерке «Отношения Украины, Польши и России с Крымским ханством в середине XVII века», который является логическим продолжением эпического повествования «Тугай-бей»: вместо конкретного количества украинских сёл, определённых в Договоре в качестве калыма за военную поддержку ханскими войсками, оказываются ограбленными куда больше сёл, что приводит к недоумению среди военно-политической элиты... В экспозиционной части романа Шамиль Алядин рисует вымышленный эпизодический образ учителя Фредерика Кижэ, устами которого поясняет причины былой по-

литической нестабильности в ханстве: буджакские степняки, постепенно заселившие просторы между Доном и Днестром и одержимые идеей создания своего независимого государства, в смутные эпохи вызывали волнения в регионе из-за междоусобных противоречий, что порою и сказывалось на взаимоотношениях соседствующих государств. Такой способ ретардации позволяет косвенно детализировать и тем самым пояснить обусловленность событий.

Над созданием своих исторических произведений Шамиль Алядин работал многие годы, привлекая воспоминания старожилов, собственно исторических и архивных документов. Скрупулёзность в отборе материала, верность реалистичному способу подачи художественной информации требовали энергии и времени. Роман «Тугай-бей» оказался в списке недописанных. В то же время очерк, отмеченный выше, как своеобразное продолжение романа даёт почву для дальнейших размышлений о творческом поиске писателя.

Результаты исследования. Литературно-художественное наследие Шамиля Алядина нуждается в системном изучении. В настоящей статье сделана попытка заглянуть в художественную мастерскую писателя и презентован авторский опыт раскрытия причинно-следственной цепочки в поведении героев исторических событий.

Литература

1. Алядин Ш. Сайлама эсерлер [проза] / Шамиль Алядин. - Симферополь: Крымчпедгиз, 1999. – 624 с. - ISBN 966-7283-30-5.
2. Сенкевич Г. Крестоносцы [проза] / Генрик Сенкевич. – Ташкент: Мехнат, 1985. – 544 с.
3. Горский И.К. Исторический роман Сенкевича [монография] / Игорь Горский. - М.: Наука, 1966. – 308 с.
4. Кульчинский О. Шамиль Алядин – классик крымскотатарской литературы: [Электронный ресурс] / Олесь Кульчинский. – Режим доступа: <http://umma.org.ua/ru/persons/191>

Юнусов Ш. Е. Слідами часу (до питання про вивчення історичної прози Шаміля Алядіна) / Ш. Е. Юнусов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 71-74.

У статті розглядається питання про художню деталізацію через досвід створення історичної прози у кримськотатарській літературі. На основі конкретних прикладів досліджується проблема відповідності зображуваних подій історичним реаліям.

Ключові слова: історична проза, реалістичність, ретардація, творчий пошук.

Yunusov S. E. On the tracks of time (on the study of historical prose of Shamil Alyadin) / S. E. Yunusov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 71-74.

The article is devoted to the art of detail through the experience of the creation of historical prose in the Crimean Tatar literature. On the basis of the specific examples of the problem of the conformity of the depicted events of historical realities.

Key words: historical prose, realistic, retardation, creative search.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.